

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

- II0a4 ибо учение Бригунг и Пхагду показывали уровень и приметы времени, как бы только часть целого, [например], рога и хвост вместо всего яка. А вот Сосуд, [включающий] три раздела священного писания великомилосердного победоносного Цзонхавы, полон, поэтому его можно приравнять к ... Будде, [впервые] повернувшему золотое колесо Учения [в духовной и исторической действительности].
- II0a5

-
1. См.: А.М.Востриков. Тибетская историческая литература. М., 1962, с. 62-63.
 2. D.Tucci. Tibetan Painted Scrolls. Roma. 1949, P. IV, p. 625-651.
 3. Gangs-can-yul-gyi-sa-la-spyod-pa'i-mtho-ris-kyi rgyal-blantsho-bor-brjod-pa'i deb-ther / rdzogs-ldan-gzhon-nu'i-dga'-spyid-kyi-rgyal-мо'i-glu-dbyangs ("История Тибета"), автор - Пятый Далай-лама. Тибетский фонд ЛО ИВ АН СССР инв. № В 5456, л. II066.
 4. Z.Ahmad. Sino-Tibetan relations in the seventeenth century. Roma, 1970, p. 98.
 5. Ibid., p. 127-128; 131-132.
 6. См.: "История Кукунора". Перевод с тибетского Б.Д.Дандарона. М., 1972, с. 65-66, 66-67.
 7. См.: Ю.Н.Перих. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV веках. - В сб.: Филология и история монгольских народов. М., 1958, с. 333-346.

Ю.Л.Кроль

К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ИСТОРИКА

Проблема эта не раз обсуждалась на материале ранних "образцовых историй" (чжэн ши). При этом Гарднер (1938), Дабс (1946) и Крюков (1972) подчеркивали объективность древнего историка,¹ а Сэрджент (1944, 1947) и Эберхард (1949, 1957) акцентировали предвзятость его позиции.² Биленштайн (1954), критикуя Дабса, Сэрджента и особенно Эберхарда, попытался синтезировать обе точки зрения; его вывод - что историк был пристрастен, но при этом создал историю, поразительно объективную в своих главных частях.³

В сущности, предшественники Биленштайна отправлялись в своих исследованиях от разных сторон одного и того же идеала историка,

который древние комментаторы (особенно школы Гунъян) видели в Конфуции как авторе "Чунь цю". Западные ученые (напр., Уотсон) воспринимали этот идеал как противоречивый: по нему, с одной стороны, историк должен добросовестно и объективно записывать реальные факты, с другой, замалчивать, искажать и даже подделывать их в соответствии с предвзятыми идеями.⁴ По мнению Дабса, на династийного историка повлияла объективность и добросовестность конфуцианского идеала.⁵ По мнению Сэрджента и Эберхарда, Конфуций как историк писал в соответствии с принципом чжэн мин ("исправления названий"), тщательно выбирая слова и вкладывая в них свои суждения, и записывал аномалии в природе как знамения, связанные с делами людей. Эти историографические приемы были восприняты авторами "образцовых историй", что свидетельствует об их тенденциозности.⁶

Биленштайн не соглашался с последней мыслью. Он доказывал, что династийный историк не высказывал собственных суждений, делая записи о знамениях, и включение таких записей в историю не было тенденциозным. По его мнению, так же обстояло дело и с "выбором слов": соглашаясь, что язык истории "сильно стилизован", он указывал, что стилизованные формулы едва ли годились для выражения личного суждения историка, да и (в большинстве случаев) какого-либо суждения вообще.⁷

Чтобы выяснить, кто прав, следует еще раз обратиться ко взглядам комментаторов на язык "Чунь цю". С их точки зрения, вопросы о терминологии "Чунь цю" и об искажении в ней фактов — это один и тот же вопрос о ее языке, или выражениях (цзю, вэнь цзю). По словам Сыма Цяня, Конфуций "придал сжатость языку своего литературного писания (т.е. "Чунь цю". — Ю.К.), но скрытый [в словах] смысл был обширен. Поэтому, [хотя] государи У и Чу называли себя "ван" (царями), "Чунь цю" порицала их, называя "цзэ" (князьями); во время встречи [удельных правителей] в Цзяньтоу [цзиньский Вэнь-гун] в действительности призвал к себе чжоуского Сына Неба, но "Чунь цю" скрыла это, говоря: "Царь [волею] Неба охотился в Хэяне". [Конфуций] делал умозаключения по аналогии с этим, чтобы исправить [людей] своего века, как выпрямляют по линии, отбитой плотничьим шнуром..."⁸

"Чунь цю" называет двух правителей, присвоивших себе царские титулы, их первоначальными княжескими титулами⁹ и маскирует фразой о поездке чжоуского вана по собственному почину на охоту в Хэян то, что этот ван прибыл туда по приглашению подданного (Вэнь-гуна), недопустимому с точки зрения ритуала.¹⁰ Общее в

обоих случаях то, что речь идет о языке, манере выразиться. Общее также в том, что с помощью манеры выразиться исторические поступки, осуждаемые Конфуцием, исправляются, приводятся в соответствие с идеалом, похожим на социальный порядок Западного Чжоу. Это приводит на ум традиционную китайскую точку зрения, что Конфуций написал "Чунь цю", чтобы на деле осуществить "исправление названий".¹¹ Но (в отличие от Сэрджента) мы склонны толковать термин чжэн мин не просто как соответствие слова описываемой им реальности, а вслед за Гранэ именно как "исправление названий", нацеленное на изменение реальности. По Гранэ, слова китайского языка суть эмблемы, обладающие действенной, повелительной силой; поэтому "исправление названий" и ведет к исправлению соответствующих реальностей - к тому, что государь начинает вести себя как государь, подданный - как подданный, отец - как отец и сын - как сын.¹² Это "исправление названий" воплощает в словах образцы этического поведения в духе "обрядов и долга". Образцы даны в оценках Конфуцием поступков за период Чунь цю. По словам Сыма Цяня, Конфуций "высказал одобрение или осуждение [поступкам] за 242 года и превратил это в образцы для Поднебесной".¹³ Действие "образца" (и бяо) мыслилось как действие гномона, отбрасывающего тень, которая повторяет его очертания.¹⁴ Как гномон естественным образом придает прямизну своей тени, так и "Чунь цю" своими нормативными высказываниями должна исправить мир. Вот почему, по словам "Мэн-цзы", "когда Конфуций закончил "Чунь цю", то мятежные подданные и злодеи-сыновья были в ужасе".¹⁵ - такой действенной казалась древнему китайцу сила слов мудреца.

Комментаторы "Чунь цю" приписывали языку этой летописи не только исправление отдельных поступков (установление моделей поведения), но и самого хода истории. Соответствующая теория складывалась вместе с текстом "Гуньян чжуань" (не позднее III-II вв. до н.э.), а завершение нашла во II в. н.э. В "Гуньян чжуань" сообщается, что Конфуций говорил в "Чунь цю" в особых выражениях о каждом из так называемых "трех веков" - о том, о котором знал из письменного предания (722-627 гг. до н.э.), о более позднем, о котором слышал (626-542 гг. до н.э.), и о современном ему, который видел (541-480 гг. до н.э.). Это было, в частности, связано с тем, что он говорил о "внутреннем" и "внешнем" районах мира с разной степенью подробности, а именно более подробно записывал сведения о "внутреннем" районе мира, чем о "внешнем"; при этом точка зрения мудреца на то, что считать "внутренним" и что "внешним", разнилась от века к веку.¹⁶ Когда он считал "внутренним"

свое государство (Лу), то считал "внешними" прочие китайские государства; когда же считал "внутренними" все китайские государства, то считал "внешними" варваров.¹⁷ Следовательно, согласно "Гуньян чжуань", изменение языка "Чунь цю" свидетельствует, что зона "внутреннего" в этой летописи постепенно расширялась: судя по косвенным данным, в век, о котором Конфуций знал из письменного предания, она ограничивалась Лу, а в век, о котором он слышал, распространилась на все китайские владения. С этой точки зрения, зона "внешнего" должна была и вовсе исчезнуть; и действительно, в "Гуньян чжуань" раз 6 повторяется формула "истинный царь ничего не считает внешним":¹⁸ она выражает универсалистский идеал полного мироустройства и означает, что "истинный царь хочет придать единство Поднебесной" - установка, подчеркнутая еще в начале "Гуньян чжуань" в словах "[Чунь цю]" придает великое [значение] приведению к единству и объединению". Согласно "Гуньян чжуань", показывая в "Чунь цю" нарастающее расширение зоны "внутреннего" за счет зоны "внешнего", Конфуций описывает ход процесса мироустройства, приведения мира к единству; при этом он прибегает к таким выражениям, как "внешнее" и "внутреннее", потому что этот процесс постепенен и распространяется от центра к периферии, а "начинается с пребывающих близко".¹⁹

Эта теория была завершена Хэ Сю (П в.), утверждавшим, что Конфуций "установил правила устройства в пору смуты", написал "Чунь цю". Наперекор действительности с помощью языка летописи он старался показать, что в VIII-V вв. до н.э. в мире происходил постепенный переход от беспорядка к порядку, в ходе которого зона устройства постепенно росла, пока в век, который Конфуций видел, не наступило "великое спокойствие", т.е. универсальное устройство, распространившееся даже на варваров; в этих условиях в мире уже не осталось никаких объектов для критики, кроме мелочи - "имен из двух иероглифов", которые "трудно табуировать". При этом Хэ Сю подчеркивал, что это было не реально достигнутое, а воображаемое состояние общества, обозначенное письменным словом. Он писал: "[Конфуций в] "Чунь цю" в период [князей] Дина и Ая (510-480 гг. до н.э.) с помощью литературного писания (вэнь) вызвал великое спокойствие; он хотел показать, что, когда установлен порядок истинного царя, не остается больше ничего, за что [можно было бы] порицать; есть только имена из двух [иероглифов], поэтому он и порицал их; это установление "Чунь цю".²⁰

Следовательно, наследие комментаторов "Чунь цю" - это не просто использование особого языка в произведении историографии;

это удвоение в нем реальности с помощью особого языка, благодаря чему произведение, в плане фактов изображающее смутное время, в плане языка изображает постепенный процесс универсального устроения.

Первые "образцовые истории" – "Ши цзи" и "Хань шу" – создавались в тот самый период, когда уже существовали и развивались эти теории школы Гуньян, отчасти разделявшиеся и другими комментаторами "Чунь цю". Встает вопрос: повлияли ли эти теории на "образцовые истории" при том, что другие компоненты представления о Конфуции как об идеальном историке – мысли о добросовестности записи фактов и о роли знамений – несомненно повлияли?

Биленштайн и Уотсон отрицательно ответили на этот вопрос. Биленштайн указывал, что Фань Е в У в. мог критиковать и критиковал Позднюю Хань совершенно открыто, не боясь наказания, и ему не надо было прибегать к стилизованным формулам для непрямого выражения собственных суждений. На деле эти формулы были всего лишь вопросом стиля, который во времена Фань Е уже стал традиционным, т.е. – добавим от себя – стерся, превратился в условность.²¹

Нам кажется, что причиной, по которой китайские историки веками пользовались "стилизованными формулами", было не столько желание выразить что-то не открыто, а обиняком, сколько мышление этих историков. Как раз о связи стиля, а в конечном счете языка с мышлением и забывает Биленштайн.

Рассмотрим его примеры "стилизованных формул": они так или иначе описывают общественные иерархические отношения "по вертикали" и в этом плане вполне содержательны. Это 1) выражение цзюй цзя ("императорская колесница") – не прямое наименование императора в устах нижестоящего, который не смеет прямо называть его по имени; 2) глаголы син ("осчастливить") и ся ("передать вниз"), описывающие действия императора, направленные на подданных, и глагол фэн ("подать наверх"), описывающий действие низшего по отношению к высшему; 3) слова пэн, хун и цзю, описывающие смерть людей в зависимости от их социального статуса (императора; ванов и гунов; хоу и чиновников за исключением трех гунов).²²

Именно последний пример приводит на память другую точку зрения на китайский язык. Гранэ считает, что в китайских словах-эмблемах живет сила, сопротивляющаяся их стиранию. Все слова причастны природе имени собственного, могут выступать как названия, однократные обозначения сущностей. Так, в китайском языке нет слова, выражающего всеобщее, абстрактное и нейтральное представление о смерти, а есть 4 разных слова – пэн, хун, сы и цзю, вы-

ражающие мысль о смерти и одновременно определяющие место покойного – Сына Неба, удельного князя, сановника или простолюдина – в общественной иерархии. Этикет властвовал над жизнью китайцев, поэтому словарный состав их языка был увеличен сверх меры, чтобы каждой ситуации соответствовало сообразное протоколу и, следовательно, действенное для нее выражение. Этот словарный состав есть собрание однократных оценок, наделенных действенной силой, он образует систему символов, путем применения которых как действенных эмблем должно стать возможным осуществление порядка, установленного этикетом.²³

Гранэ пользуется тем же примером, что и Биленштайн, но толкует его совершенно иначе, убедительно доказывая, что разные слова ("стилизованные формулы") как раз содержат в себе разные оценки. Его мнение о языке тесно связано с его мнением о мышлении, и в свете его глубоких соображений трактовка обсуждаемых "формул" как чисто стилистического явления кажется неубедительной. Речь идет об особенностях мышления, проявляющихся в языке, о содержательности "стилизованных формул" и даже об их магической действительности.

Биленштайн ссылается на сравнительный анализ текстов "Хань шу" и "Сань го чжи", где описана карьера Цао Цао. Он видит их различие лишь в традиционных стереотипных формулах, а причину его в том, что "события описаны с точки зрения разных династий. Здесь не содержится никакого личного суждения. Они просто следуют традиционному стилю".²⁴ Но анализ этих текстов не свидетельствует в пользу мнения Биленштайна. В "Хоу Хань шу" Цао Цао назван по имени и фамилии и выступает как самовластная фигура, которая сама себя награждает должностями и титулами, а в "Вэй шу" он именуется "Герцогом" и выступает как подданный, который те же награды получает от "Сына Неба".²⁵ Значит, в "Хоу Хань шу" Цао Цао изображен как нарушитель порядка, присвоивший себе prerogative монарха, а в "Вэй шу" как человек, сообразующийся с порядком и послушный монаршей воле. Но в таком случае Фань Е, употребляя формулы, рисуящие Цао Цао нарушителем порядка, проявляет по отношению к нему предвзятость даже в свете критериев, которых придерживается Биленштайн. Тот пишет о Фань Е: "Нельзя сказать, что он был совершенно беспристрастным. В действительности он обычно был предубежден против "лиц вне закона", против тех, кто своими действиями ставил себя вне упорядоченных отношений. Это особенно очевидно, когда речь идет о претендентах и военачальниках. Хороший пример тому – Лю Сюань, император Гэн-ши".²⁶ Следо-

вательно, описание одних и тех же фактов разными формулами с точки зрения разных династий, в сущности, означает изображение их в одном случае как нарушения порядка, а в другом случае – как следования ему.

Не вполне понятно, почему "личное суждение" историка следует так категорически противопоставлять общепринятому, как это делает Биленштайн. При той особой роли, какую играла во взглядах китайских историков традиционная модель мира, было бы странно ждать от них особых или совершенно оригинальных мнений по всему кругу затронутых ими вопросов. В целом ряде случаев мнения историков совпадали с мнениями их предшественников – других историков, мыслителей, государственных деятелей, в том числе императоров; если историки воспроизводили "стилизованнные формулы" своих источников, значит, они были согласны с точкой зрения, отраженной в этих формулах. Думается, не было историка, который бы не считал Китай центром мира и китайскую монархию мироустроительной. Эти побуждало историков, писавших о периодах раздробленности, выбрать одно из нескольких государств на территории Китая как легитимное, т.е. как центр мироустроения, и писать о нем с позиции, совпадавшей с позицией его подданного, а о других государствах иначе. В этом отношении эти историки были прямыми наследниками комментаторов школы Гуньян, которые утверждали, что Конфуций в "Чунь цю" разным языком писал о зонах устроения и смуты.

Сказанное можно проиллюстрировать примером "Сань го чжи" Чэнь Шоу (III в.), который писал о временах политической раздробленности Китая, т.е. эпохе своего рода политического плюрализма, как будто в Поднебесной был один император, хотя на самом деле в трех царствах – Вэй, Шу и У – их было трое одновременно. Он называет словом ди ("божественный властитель", император) только государей Вэй начиная с Цао Пэя,²⁷ Цао Цао именуется Тай-цзю (т.е. Тай-цзю У-хуан-ди), а смерть Тай-цзю, Цао Пэя и Цао Жуя описывает словом пэн.²⁸ Императоров Шу – Лю Бэя и Лю Чаня – Чэнь Шоу называет "предшествующий правитель" (сянь чжу) и "последующий правитель" (хоу чжу), смерть Лю Бэя описывает словом цу ("уход [от нас государя]"),²⁹ а смерть Лю Чаня словом хун.³⁰ Императоров У – Сунь Цюаня, Сунь Ляна, Сунь Сю и Сунь Хао – историк называет просто по имени, а смерть тех из них, которые умерли, находясь на престоле (Сунь Цюань, Сунь Сю), описывает словом хун.³¹ Таким образом, Чэнь Шоу исправлял историю путем "исправления названий", используя магические свойства слов; в результате сквозь историческую реальность троецарствия проступает умоглядный образ единой мироустроительной империи Вэй, чьи правители только

и были императорами-мироустроителями.

Этому содействует иерархический план "Сань го чжи", унаследованный ею от предшествующих "образцовых историй". "Сань го чжи" состоит из 65 глав, из которых первые 4 называются цзи (анналы), а остальные чжуань (биографии). Оба раздела посвящены людям, стоящим на разных ступенях социальной иерархии, которые находятся в отношениях оппозиции. Упрощенно говоря, цзи - это анналы императоров, воплощающих силу ян, а чжуань - биографии подданных, воплощающих начало инь. Лишь императоры государства Вэй помещены Чэнь Шоу в анналы, все остальные исторические деятели трех царств, в том числе императоры Шу и У, попали в биографии. Следовательно, и путем такого распределения по главам Чэнь Шоу хотел сказать, что лишь императоры Вэй суть "божественные властители" (ди) в Поднебесной, императоры же остальных двух царств, в сущности, подданные.

Если в свете этих выводов рассмотреть "Хань шу", то первое, что обращает на себя внимание, это биография Ван Мана (гл. 99). Из нее известно, что он был и фактически, и формально императором в 9-23 гг. Но Бань Гу поместил эту биографию не в "Анналы" (цзи) "Хань шу" (что можно в какой-то мере оправдать тем, что он ограничил себя рамками династии Хань), а в раздел "Биографии" (чжуань), при этом не исключив из этого жизнеописания, так сказать, не ханьский материал - историю царствования Ван Мана как самостоятельного императора; в результате тот оказался не в ряду императоров, а в ряду подданных. Более того, Бань Гу всюду называл Ван Мана просто по имени, как впоследствии Чэнь Шоу императоров У, а смерть его описал не словом "цареубийство" (ши), а словом "убийство" (ша).³² Иными словами, он писал о Ван Мане только как о подданном Хань и этим исправлял историю.

Естественно, встает вопрос и о Сыма Цяне, который, как было доказано, напрямую испытал влияние образа Конфуция как идеального историка, созданного комментаторами школы Гунъян, в том числе учителем Сыма Цяня Дун Чжун-шу. Уотсон считает, что Сыма Цянь не пытался во всех подробностях подражать точной терминологии, традиционно приписываемой "Чунь цю", и в виде доказательства приводит один-единственный пример - употребление историком при описании убийства чжоуского Д-вана в одном случае глагола ши, а в другом ша.³³ Но один пример едва ли что-нибудь доказывает (слово ши могло быть заменено на ша переписчиком и т.п.). Существенно то, что Сыма Цянь достаточно систематически описывает смерти императоров (ди, ван, хуан ди) словом пэн,³⁴ а если употребляет

иногда слова сы, цзу или ша, то когда по какой-либо причине хочет критиковать того или иного "Сына Неба". Такова точка зрения Лян Юй-шэна, основанная на учете всего материала "Основных анналов" (а не на одном примере) и дополненная Такигава Камэтаро.³⁵ Смерти же удельных правителей в разделе "Наследственные дома", а также в гл. "Основные анналы Цинь" Сыма Цянь обычно (за некоторыми исключениями³⁶) описывал словом цзу.

Сыма Цянь, впервые создавший структуру "анналы - биографии", которую унаследовали все последующие "образцовые истории", еще усложнил ее введением раздела "Наследственные дома", куда поместил истории удельных правителей доимперской эпохи и представителей ханьской знати. Бань Гу обошелся без этого раздела, поместив ханьскую знать вместе с прочими подданными в "Биографии". Впрочем, и Сыма Цянь прямо говорил, что в "Наследственные дома" входят "подданные" (чэнь), но не простые, а представляющие собой "ноги и руки" монарха.³⁷ Тем более ясно, что в его истории раздел "Биографии" отдан "подданным", хотя в определении его содержания слово чэнь не фигурирует.³⁸ Это подтверждают и слова Бань Бяо (I в.), что Сыма Цянь изложил сведения о министрах и младших чиновниках (цин ши) под названием "Биографии".³⁹ Сюда вошли и повествования о варварах, чьи правители стали за II в. до н.э. "внешними" и "внутренними" "подданными" императора и чьи земли в конце концов попали под прямое управление империи.⁴⁰ Но вместе с отчетами о таких "подданных" Сыма Цянь включил в "Биографии" и "Повествование о сюнну" ("Ши цзи", гл. IIО), хотя у империи во II в. до н.э. были с шаньюем или (более или менее) равные, или военные отношения, а отнюдь не отношения типа "государь - подданный". Поэтому с точки зрения фактов такое включение было необоснованным и антиисторичным. Сыма Цянь не скрывал этих фактов. Но, рассказав, как на деле складываются отношения Китая и сюнну, он включил последних в раздел для подданных империи. Он сделал это потому, что без этого образ Хань как мироустроительной монархии был бы ущербным.

Следовательно, авторы ранних "образцовых историй" - от "Ши цзи" и "Хань шу" до "Сань го чжи" и "Хоу Хань шу" - в числе прочего унаследовали от идеала историописания, созданного комментаторами "Чунь цю", представление о том, что история есть не только рассказ о делах людей, о фактах, но одновременно и способ словесными средствами описать и утвердить идеал полного мироустройства. Они унаследовали также и технику подобного "удвоения действительности" - использование в рассказе о фактах таких языковых средств, таких терминов и выражений, которые, обладая действительной силой, творят желаемую вторую действительность. Соответствия

но каждая ранняя династийная история не только повествовала об истории своей династии, но и показывала, как при той было достигнуто универсальное мироустройство. Поэтому она включала рассказ обо всем подлежащем устройению мире независимо от того, распространялась ли на него власть этой династии реально. Даже если эта власть на весь мир не распространялась, историк, не отрицая этого, символически, путем выбора слов показывал, что независимые государи были подданными династии-мироустроительницы. Ему помогала в этом также возможность распределять материал по разным иерархически не равноценным разделам "образцовой истории". Думается, что это говорит о принципиальной установке раннего китайского историка не только на объективность - одна сторона конфуцианского идеала, но и на субъективность, на "исправление" действительности средствами магии слов и иных приемов - другая сторона этого идеала.

-
1. См.: C.S.Gardner. Chinese Traditional Historiography. Cambridge, 1938, p. 17; Н.Н.Дубс. The Reliability of Chinese Histories. - "The Far Eastern Quarterly". Vol. 6, 1946, № 1, pp. 29-30, 35-43; Сыма Цянь. Исторические записки ("Ши цзи"). Пер. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина. Вступ. ст. М.В.Крюкова. Т. I. М., 1972, с. 57.
 2. См.: C.B.Sargent. Subsidised History: Pan Ku and the historical records of the Former Han Dynasty. - "The Far Eastern Quarterly". Vol. 3, 1944, № 2, pp. 119, 132-135, 138-139, 143; C.Sargent. Wang Mang. Shang-hai, 1947, pp. 18, 19, 143; W.Eberhard. Das Toba-Reich Nordchinas. Leiden, 1949, SS. 25-27, 190, 348, 350; W.Eberhard. The Political Function of Astronomy and Astronomers in Ancient China. - Chinese Thought and Institutions. Chicago, 1957, pp. 48, 349, n. 60, cf. pp. 46, 52-53, 55-60 ff., 66-70.
 3. См.: Н.Бielenstein. The Restoration of the Han Dynasty with Prolegomena on the Historiography of the Hou Han Shu. - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities". N 26, 1954, pp. 23-44.
 4. См.: В.Watson. Ssu-ma Ch'ien Grand Historian of China. N.Y., 1958, p. 79.
 5. См.: Dubs. Op. cit., p. 35.
 6. См.: Sargent. Wang Mang, pp. 18-19; W.Eberhard. Beiträge zur kosmologischen Spekulation der Chinesen der Han-Zeit. Berlin, 1933, SS. 93, 97; Eberhard. The Political Function ..., p. 349, n. 60.

7. См.: Н. Bielenstein. An Interpretation of the Portents in Ts'ien-Han-shu. - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities", № 22, 1950, pp. 127-144; Bielenstein. The Restoration..., p. 41.
8. Ши цзи (изд. Такигава Камэтаро). Пекин, 1955, гл. 47, с. 84.
9. Правители У стали именовать себя "ван" начиная с Шоу-мэна (585-561 гг. до н.э.), правители Чу - с У-вана (740-690 гг. до н.э.). В "Чунь цю" с комментариями они систематически называются "цзы".
10. См.: J. Legge. The Ch'un Ts'ew, with the Tso Chuen. - The Chinese Classics. Hongkong, London, 1872, pp. 203, 206, 207, 212; Чунь цю Гуньян чжуань чжу шу. Пекин, 1957, сер. "Ши-сань цзин чжу шу", гл. 12, с. 8а; ср. Watson. Op. cit., p. 82.
11. См.: Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Vol. I, Peking, 1937, pp. 61, 63.
12. См.: M. Granet. Das chinesische Denken. München, 1963, SS. 32-33.
13. См.: Ши цзи, гл. 130, с. 25, 21.
14. См.: Ю.Л. Кроль. О древнекитайской концепции образаца (и-бяо). - "Народы Азии и Африки", 1973, № 1, с. 149-152.
15. J. Legge. The Works of Mencius. - The Chinese Classics. Hongkong, London, 1872, pp. 283, 284 (III.II.IX, II); ср. Ши цзи, гл. 47, с. 84.
16. См.: Чунь цю..., гл. 1, с. 136; гл. 3, с. 86; гл. 4, с. 8а; гл. 8, с. 66, 10а; гл. 20, с. 8а; гл. 28, с. 7а-7б.
17. См. там же, гл. 18, с. 46.
18. См. там же, гл. 1, с. 126; гл. 5, с. 3а; гл. 12, с. 2а; гл. 18, с. 1а, 4б.
19. См. там же, гл. 1, с. 56; гл. 18, с. 46.
20. См. там же, гл. 1, с. 136-14а; гл. 26, с. 1а.
21. См.: Bielenstein. The Restoration..., p. 42.
22. См.: ibid., p. 42.
23. См.: Granet. Op. cit., SS. 26-27.
24. См.: Bielenstein. The Restoration..., pp. 47-48.
25. См.: ibid., p. 47.
26. ibid., pp. 42-43.
27. См.: Чэнь Шоу. Сань го чжи. Пекин, 1958, сер. "Бо на бэнь эр-ши-сы ши" (изд. уменьш. формата), гл. 2, с. 156, 186, 236, 24а; гл. 3, с. 16, 22а; гл. 4, с. 1а, 3а, 156, 16а(?), 19а, 31а.
28. См. там же; гл. 1, с. 466; гл. 2, с. 1а, 24а; гл. 3, с. 22а-

226. То же и в других главах, см. там же, гл. 47, с. 96, 10а, 11б, 15а и др.; но ср. там же, гл. 4, с. 276, 396 (императоры, кончившие жизнь не на престоле).
29. В других главах смерть Лю Бя описывается словом хун, см. там же, гл. 47, с. 15б; гл. 48, с. 1а.
30. См. там же, гл. 32, с. 1а, 21а; гл. 33, с. 1а, 1б, 4б, 8б, 9а.
31. См. там же, гл. 47, с. 34б; гл. 48, с. 13а. Смерть Сунь Хао, который после низложения был сделан князем (хоу), описана словом сы, см. там же, с. 276.
32. См.: The History of the Former Han Dynasty. A Tr. with Annot. by H.H.Dubs. Baltimore, 1955, p. 465.
33. См.: Watson. Op. cit., pp. 93-94; ср. Ши цзи, гл. 38, с. 23; гл. 40, с. 9.
34. См.: там же, гл. 1, с. 17, 18, 21, 43, 61, 62; гл. 2, с. 42, 45, 47, 48; гл. 3, с. 14, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26; гл. 4, с. 15, 17, 37, 41, 42 (в этом издании стоит слово цэу, но в двух других - пэн) и др.; гл. 6, с. 66; гл. 8, с. 86; гл. 9, с. 8, 23; и др.
35. См. там же, гл. 4, с. 42.
36. Ср. описание их смерти словами сы (см. там же, гл. 31, с. 44; гл. 48, с. 20; гл. 52, с. 4; и др.), ша (см. там же, гл. 40, с. 17, 31; гл. 50, с. 4, 5, 7; гл. 52, с. 12, 20; гл. 48, с. 1б; и др.) и хун (см. там же, гл. 51, с. 8; гл. 113, с. 9-10; и др.).
37. См. там же, гл. 130, с. 61.
38. См. там же, с. 62.
39. См.: Д.Л.Кроль. Сыма Цянь - историк. М., 1970, с. 52.
40. См.: Ши цзи, гл. 113, с. 4-18; гл. 114, с. 3-10; гл. 115, с. 3-9; гл. 116, с. 5-12.

С.О.Курбанов

ОСОБЕННОСТИ "ИСТОРИИ КОРЕ" МОК ЧЕ КАК ЧАСТНОЙ ДИНАСТИЙНОЙ ИСТОРИИ

"История \sqrt{KQ} рё, составленная частной школой Мок Че" (Мок Че касук хвчхан нёса) - сочинение, написанное в XIII веке корейским ученым по имени Хон Ёха. Мок Че - это его литературный псевдоним. Указанное сочинение состоит из 48 книг и является неофициальной династийной историей, по своей структуре копирующее официальную